

© Перевод постановления был предоставлен «Правовой инициативой по России» (www.srji.org). Перевод уже был опубликован в 2009 году на сайте этой организации (<http://www.srji.org/resources/search/110/>). Разрешение на публикацию перевода было дано исключительно для его включения в базу HUDOC Европейского Суда.

© This document was provided by the Stichting Russian Justice Initiative (www.srji.org/en/). This translation was published in 2009 on the website of SRJI. Permission to re-publish this translation has been granted for the sole purpose of its inclusion in the Court's database HUDOC.

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО “ХАДИСОВ И ЦЕЧОЕВ ПРОТИВ РОССИИ”

(Жалоба №21519/02)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Этот текст был отредактирован 4 мая 2009 года
в соответствии с Правилом 81 Регламента Суда

СТРАСБУРГ

5 февраля 2009 года

***Вступило в силу
5 мая 2009 года***

Текст может быть дополнительно отредактирован

В деле “Хадисов и Цечоев против России”
Европейский суд по правам человека (Первая секция), Палатой в следующем в составе:
Кристос Розакис, *Президент*,
Нина Вайич,
Анатолий Ковлер,
Элизабет Штейнер,
Ханлар Хаджиев,
Дин Шпильманн,
Джорджио Малинверни, *судьи*,
и Серен Нильсен, *Секретарь Секции*,
Заседая 15 января 2009 года за закрытыми дверями,
Вынес следующее постановление, принятое в последний вышеупомянутый день:

ПРОЦЕДУРА

1. Настоящее дело было инициировано жалобой (№.21519/02) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со Статьей 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») гражданами Российской Федерации, Саламбеком Даудовичем Хадисовым и Исламом Иссаевичем¹ Цечоевым («заявители») 11 апреля 2002 года.

2. Заявителей, которые получили оплату расходов на представителей (legal aid), в Европейском Суде представляли юристы "Правовой инициативы по России" (далее - “SRJI”), неправительственной организации с главным офисом в Нидерландах и представительством в России. Правительство Российской Федерации было представлено Г-ном П.Лаптевым и Г-жой В. Милинчук, бывшими представителями Российской Федерации в Европейском суде по правам человека.

3. Заявители жаловались, в частности, что их незаконно задержали и пытали сотрудники Государства.

4. Решением от 15 ноября 2007 года Суд объявил жалобу частично приемлемой.

5. Заявители и Правительство представили письменные объяснения (Правило 59 § 1). После консультаций со сторонами Суд принял решение не проводить слушаний по существу делу (Правило 59 § 3 *мелким шрифтом*), и стороны дали письменные ответы на замечания друг друга.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Первый заявитель родился в 1956 году, второй заявитель родился в 1977 года. Они живут в Республике Ингушетия.

А. Задержание заявителей

1. Позиция заявителей

(а) Предшествующие события и задержания первого заявителя в Сунженском РОВД

7. Первый заявитель женат 22 года и имеет 4-х детей. До 1999 года заявитель вместе с семьей проживал в г. Грозный. В октябре 1999 из-за начала боевых действий они переехали в соседнюю республику Ингушетию, в село Верхний Алкун Сунженского района, которое расположено на границе с Чечней. Здесь заявитель и его семья вели хозяйство, держали несколько коров.

8. 8 сентября 2001 года старейшина и Глава Администрации села ходили в воинскую часть, расположенную недалеко от деревни, и предупредили военнослужащих, что на следующий день жители села будут косить сено на поле. Командир воинского подразделения обещал, что стрелять не будут.

9. 9 сентября 2001 года первый заявитель вместе с младшим сыном и другими жителями села (14 человек всего, в том числе женщины и дети) поехали косить на поле. Около 10 часов утра жители села были обстреляны из близлежащего леса, где располагались войска. Племянник первого заявителя, г-н А.К., 1984 года рождения, был ранен в обе ноги. Первый заявитель и другие жители села перевязали его раны, чтобы остановить сильное кровотечение, и стали кричать солдатам, которые находились на расстоянии 100-200 метров от них, чтобы те прекратили стрельбу и что юноша ранен. Несмотря на это, стрельба продолжалась еще около часа.

10. Первый заявитель и две женщины подняли раненого, привязали к ногам палку, а сами пошли к БТР с криками «Не стреляйте! Здесь раненый!». Офицер, находящийся в БТР, сказал первому заявителю, что он предупредит остальных военных прекратить стрельбу и что надо увести других людей с поля. Жители села сели в машину ГАЗ-66, на которой приехали на сенокос, и спустились с горы к деревне.

11. На краю села они встретили группу военных, милиционеров и жителей Верхнего Алкуна. Они рассказали об атаке военных и обстреле. Участковый офицер милиции сказал, что раненого нужно доставить в больницу, вызвав машину, и что все остальные должны идти к Сунженскому районному отделу внутренних дел (РОВД) в станицу Слепцовская (также называемая Орджоникидзевская) и сказал им рассказать о случившемся.

12. Однако, в Сунженском РОВД первого заявителя и других мужчин поместили в камеру и допрашивали. Семь человек, в том числе заявитель и его сын А., были задержаны на трое суток и освобождены 12 сентября 2001 года. Во время нахождения в РОВД заявителя и других мужчин допрашивали неизвестные люди, одетые в камуфлированную форму, а также следователь Сунженской районной прокуратуры господин Б.М.. Нет документов, подтверждающих факт этого задержания и имеющих к нему отношение.

13. Затем по факту обстрела 9 сентября 2001 года было возбуждено уголовное дело, и 11 октября 2001 года следователь Прокуратуры Республики Ингушетия сообщил А.К., что 11 сентября 2001 года он был признан потерпевшим по уголовному делу №21600040. Первый заявитель

предоставил несколько заявлений от жителей села, которые сообщают о произошедшем 9 – 12 сентября 2001 года.

14. 22 февраля 2003 года Глава Администрации села Верхний Алкун дал показания, которые подтверждают, что события 9 сентября 2001 года происходили так, как это представлено заявителем.

15. После освобождения первый заявитель поехал в станицу Слепцовская в Сунженскую районную больницу смотреть за раненым г-ном А.К. Тем временем сотрудники милиции провели обыск в доме заявителя в селе Верхний Алкун, о чем он узнал от своей жены.

16. 23 сентября 2001 года заявитель покинул больницу, в то время как другой родственник, г-н С., остался ухаживать за раненым. Вечером этого же дня, вернувшись в больницу, он услышал, что С. забрали в РОВД и что он тоже должен явиться туда и дать показания.

17. Первый заявитель, опасаясь того, что его снова задержат, в первую очередь пошел в прокуратуру и поговорил со следователем М.Б., тот убедил заявителя, что ничего не произошло и что он лично контролирует ситуацию. Первый заявитель вместе с женой затем направились в Сунженский РОВД. Здесь заявитель расстался с женой, его посадили в камеру, в которой находилось несколько задержанных, в том числе его родственник г-н С. и второй заявитель, с которым он не был знаком до этого момента.

(б) Задержание второго заявителя в Сунженском РОВД

18. Второй заявитель по профессии агроном. В 2001 году он работал оператором в котельной. Он жил вместе с родителями и был прописан по адресу ст. Орджоникидзевская, ул. Дзержинского, дом 112.

19. 23 сентября 2001 года второй заявитель был дома. Он собирался пойти вместе с родными на строительство их нового дома. Его родители, сестра, три брата и родственники были дома в это время, о чем подробно говорится в заявлениях, касающихся данного случая.

20. Около 10 часов утра группа людей в гражданской форме вошла во двор. Второй заявитель узнал среди них начальника Сунженского уголовного розыска М.Е. и двух милиционеров, которых он знал лично. Всем членам семьи было приказано выйти из дома, где у них проверили документы. Милиционеры обыскали дом. Они сказали второму заявителю проследовать в Сунженский РОВД для проверки. Нет документов, подтверждающих разрешение на обыск и задержание второго заявителя.

21. В РОВД заявителя допрашивали о том, что он делал 19 сентября 2001 года. Второй заявитель понял по вопросам, что его подозревают в нападении на российских военнослужащих, которое произошло в селе Верхний Алкун. Второй заявитель в письменном заявлении объяснил, что он в этот день работал со своим братом и отцом на строительстве их нового дома, и что соседи могут подтвердить это.

22. Второго заявителя по поводу нападения допрашивали в течение нескольких часов трое мужчин в военной камуфлированной форме, славянской внешности, они спрашивали, кого из боевиков он знает. Они сказали, что он подозревается в участии в незаконных вооруженных формированиях и что его отправят в Ханкалу – главную базу российских войск в Чеченской Республике. Никаких записей во время допроса не велось.

(с) Содержание заявителей на военной базе в Ханкале и в Грозном

23. 24 сентября 2001 года обоих заявителей доставили в Сунженский районный суд, где судья говорил с каждым заявителем отдельно. Заявители позже узнали, что они обвиняются в сопротивлении сотрудникам милиции и что были доставлены в РОВД по этой причине. В этот же день судья Сунженского районного суда санкционировал задержание обоих заявителей на три дня в связи с сопротивлением действия сотрудников милиции во время проверки документов, удостоверяющих личность.

24. Затем им вернули их паспорта, и заявители решили, что они освобождены. Вместо этого приехали сотрудники Отряда милиции особого назначения (ОМОН) и забрали заявителей. Надпись «ОМОН» была на куртках военнослужащих. Они завели заявителей в автобус, бросили их под сидения и били их руками и ногами.

25. Автобус прибыл на территорию военной базы 99-ой дивизии особого назначения (ДОН) МВД РФ недалеко от Назрани, эта база известна под названием «58ая армия». Здесь избиения продолжились. Заявителей жестоко избивали прикладами автоматов, ботинками, металлическими прутами и гаечными ключами, их также душили полиэтиленовыми пакетами и ремнями. Когда они теряли сознание, военные снимали пакеты с головы и когда они приходили в себя, то избиения продолжались. Военнослужащие не задавали никаких вопросов заявителям, но говорили, что они бьют их в отместку за смерть товарищей.

26. Затем обоих заявителей поместили в вертолет. Второй заявитель потерял сознание вновь и позже очнулся в вертолете, лежащим на полу с пакетом, которым слетел с головы, ноги солдата были на его спине, и дуло автомата было нацелено ему в голову. Голова первого заявителя была плотно замотана тряпкой, и он ничего не видел, но чувствовал, что его перевозили подобным образом.

27. Заявители позднее слышали, что вертолет доставил их на военную базу в Ханкалу. Их бросили в большую яму на землю и избивали в течение часа. Они также были подвергнуты другим видам пыток: их руки туго связывали металлической проволокой, грудь и бедра прижигали сигаретами. Солдаты также делали фотографии, на которых они ставили свои ноги на заявителей.

28. Первого заявителя затем бросили в другую яму, где ему разрешили снять тряпку с лица.

29. Второго заявителя повели куда-то на допрос, где в течение часа его сильно били по голове, ребрам и ногам. Его спрашивали о связи с боевиками. После чего его бросили в ту же яму, где находился и первый заявитель, и разрешили снять пакет с головы.

30. Заявители провели в яме пять дней. Они описывают, что она была размерам 2,5 метра на 2,5 метра и глубиной тоже 2,5 метра. Она была покрыта деревянным настилом, только маленькое отверстие было слева прикрыто камуфляжной сетью. Заявители страдали от сырости и холода, никакой пищи им не давали.

31. В течение первых четырех дней задержания в Ханкале заявителей выводили на допрос одного за другим в помещение с деревянными стенами и электрической лампочкой, на стене висела вывеска «Начальник штаба». Их спрашивали, кого из боевиков они знают, и просили назвать имена. Следователи также зачитывали список лиц, которые находятся в розыске, и

спрашивали, знают ли заявители кого-либо из них. Никаких официальных записей во время допросов не велось.

32. Заявители утверждают, что к ним применялись следующие виды пыток и жестокого обращения: их били ботинками и прикладами автоматов по различным частям тела, в частности, по пяткам, их обжигали сигаретами, заставляли садиться в ведро и били. В результате избиений заявители с трудом передвигались, кожа на их ногах была содрана, их лица и тела опухли и покрылись кровоподтеками. Второго заявителя заставляли стоять часами лицом к стене, упираясь лбом в стену, руки крепко связаны за спиной, ноги широко расставлены. В таком положении его избивали. У заявителя спустя год после этих событий оставались явно видимые следы этой пытки на лбу. Солдаты также угрожали заявителям казнью, приставляя автоматы к их головам. Однажды обоим заявителям дали прочитать документ, в котором говорилось, что они были схвачены при попытке установить фугас на дороге, фугас взорвался, и оба они скончались по дороге в больницу.

33. На пятый день задержания – заявители считают, что это было 29 сентября 2001 года – их одного за другим вызвали подписать документ, что у них нет никаких жалоб, что по отношению к ним не было дурного обращения. Заявители утверждают, что они оказывались подписать этот документ, но затем солдаты били их, и они подписали документ, стараясь избежать дальнейших избиений. Затем их, надев полиэтиленовые пакеты на головы, перевезли на машине в 6-ое отделение Управления по борьбе с организованной преступностью (РУБОП) Старопромысловского района города Грозного. Заявители провели 15 дней в этом отделении, в течение этого времени к ним относительно хорошо относились и давали пищу. Хотя военнослужащие несколько раз их пинали и угрожали пытками.

2. Позиция Правительства

34. 9 сентября 2001 года в лесном массиве на окраине села Верхний Алкун Сунженского района неопознанные лица обстреляли из автоматического оружия военнослужащих федеральных сил. В результате двое военнослужащих погибли, двое других и житель села господин К. получили огнестрельные ранения.

35. В этот же день прокуратура Сунженского района возбудила уголовное дело №21600040 по данному случаю. В рамках расследования указанного дела в РОВД было доставлено более шестидесяти человек, в том числе заявитель, его сын А. и второй заявитель с целью проверки на причастность к совершению расследуемого преступления. Однако они не были задержаны. В доме первого заявителя был проведен обыск. В доме второго заявителя не проводился обыск.

36. 23 сентября 2001 года заявители были вновь доставлены в РОВД для дальнейшей проверки. В связи с тем, что они не подчинились требованиям сотрудников органов внутренних дел, в соответствии с постановлением от 24 сентября 2001 года Сунженского районного суда они были подвергнуты административному аресту на трое суток.

37. Позднее 24 сентября 2001 года заявители были «переданы» сотрудникам мобильного отряда Министерства внутренних дел для проверки их участия в незаконных вооруженных формированиях.

38. Государство-ответчик утверждает, что нет информации относительно места содержания заявителей в указанный период. Оно

утверждает, что согласно результат расследования, заявители не содержались ни в каких местах, предназначенных для задержанных или арестованных в административном порядке, расположенных в Чеченской Республике. Факт их содержания на военной базе в Ханкале не подтвердился.

Е. Освобождение заявителей и последующее расследование

1. Позиция заявителей

39. 12 октября 2001 года заявители были освобождены. Они не получили никаких документов об освобождении, и военнослужащие сказали им, что они должны быть довольны тем, что остались в живых. У здания РУБОП они встретили сестру первого заявителя и мать второго заявителя. Заявители были очень ослаблены, второй заявитель утверждает, что не мог передвигаться без поддержки. Оба заявителя обратились за медицинской помощью к докторам.

40. Первый заявитель утверждает, что ему поставили диагноз пневмония, перелом трех ребер, ожоги от сигарет, онемение левой руки и ушибы. Он не представил копии медицинских документов, но из заявления его жены следует, что он страдал от последствий избиений и не мог работать.

41. Второй заявитель был госпитализирован в Назрановскую больницу 16 октября 2001 года и выписался 19 октября 2001 года. У него выявлены травмы поясницы, ушиб почек, пиелонефрит и множественные кровоподтеки. 27 октября 2001 года второй заявитель вновь обратился в больницу Малгобека и выписался оттуда 19 ноября 2001 года. Кроме предыдущего заключения, ему поставили диагноз черепно-мозговая травма, сотрясение головы и ушиб поясницы. Врач указывает в своем заключении на потерю зрения, боли в спине и голове, головокружение. Второй заявитель утверждает, что в течение многих месяцев после освобождения страдал от болей, потери зрения, от судорог в конечностях и от других последствий дурного обращения. В феврале 2003 года доктора посоветовали ему операцию на почках, но заявитель не может позволить себе такую операцию.

42. Заявители и их родственники обращались в различные официальные органы относительно поисков, ареста и жестокого отношения к заявителям. В ответ они получали очень незначительную по существу информацию относительно действий властей по их заявлениям. В нескольких случаях они получали только копии писем из различных инстанций, которые направляли их заявления местным прокурорам.

43. Родственники заявителей утверждают, что с 24 сентября по 12 октября 2001 года они не имели информации о местонахождении заявителей, о причинах и месте задержания. Они обращались с запросами к военным и милиционерам, и выяснили, что они содержатся в Ханкале, а затем были переведены в Грозный. Ни в одном случае они не получили эту информацию от официальных лиц.

44. 27 сентября 2001 года прокуратура Республики Ингушетия направила для рассмотрения заявление отца второго заявителя с запросом о причинах задержания сына и его местонахождении в прокуратуру Сунженского района для рассмотрения.

45. 8 и 10 октября 2001 года мать второго заявителя написала письмо прокурору Сунженского района и в администрацию Сунженского района и

просила сообщить о местонахождении ее сына после его ареста 23 сентября 2001 года.

46. 10 октября 2001 года прокурор Сунженского района ответил на обращения родственников заявителей, что не имеется официального документа или рапорта об аресте их родственников, их заключении и якобы имевшего место перемещения в Чеченскую Республику. В письме также говорилось, что перевод в Чеченскую Республику или другие регионы не санкционировался прокуратурой, и что в связи с этим проводится расследование возможных процессуальных нарушений.

47. 11 октября 2001 года мать второго заявителя вновь обратилась к прокурору Республики Ингушетии с жалобой на незаконное задержание ее сына и его перевод в распоряжение военных в Чеченскую Республику.

48. 12 октября 2001 года жена первого заявителя лично обратилась с жалобой в прокуратуру Республики Ингушетии с просьбой установить местонахождение ее мужа и объяснить причины его ареста.

49. После освобождения заявителей, они сами обратились к прокурорам с просьбой провести расследование применявшегося к ним жестокого обращения и привлечь виновных к ответственности.

50. Вскоре после выписки из больницы (в ноябре 2001 года) второй заявитель предоставил детальное описание его ареста, задержания и дурного обращения в прокуратуру Республики Ингушетии, он указал имена, звания и описания военнослужащих, принимавших участие в его аресте и избиениях в Ингушетии.

51. Как следует из материалов, 23 ноября 2001 года Сунженская районная прокуратура отказала в возбуждении уголовного дела в отношении действий сотрудников МВД, в связи с отсутствием состава преступления. Заявители не предоставили копию данного документа, однако, 20 декабря 2001 года второй заявитель при помощи адвоката, обжаловал данное решение в прокуратуру Республики Ингушетии. В своей жалобе он просил отменить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела и провести надлежащее расследование жестокого обращения. В письме также содержались ссылки на описание военнослужащих, принимавших участие в избиениях, и приводилось детальное описание событий.

52. 4 января 2002 года из прокуратуры Республики Ингушетия сообщили второму заявителю, что в этот день возбуждено уголовное дело по его жалобе на арест и избиения неустановленными сотрудниками Министерства внутренних дел и что расследование уголовного дела поручено прокуратуре Сунженского района.

53. 27 февраля 2002 года представители заявителей, «Правовая инициатива по России», написали письмо прокурору Чеченской Республики с просьбой возбудить уголовное дело по факту пыток заявителей на военной базе в Ханкале в период с 24 по 27 сентября 2001 года. 10 апреля 2002 года «Правовая инициатива по России» вновь написала запрос этому прокурору, но не получила ответа.

54. 10 октября 2002 года заявители обратились к своим представителям «Правовой инициативе по России» в г. Назрани, которые записали интервью на видео. Они предоставили расшифровку видеозаписи, на которой заявители демонстрируют видимые шрамы на телах и утверждают, что они испытывали проблемы со здоровьем. Они также утверждают, что надлежащее расследование по их жалобам не имеет места.

2. Позиция Правительства

55. 4 января 2002 года прокуратурой Республики Ингушетия было возбуждено уголовное дело №22600008 по жалобе второго заявителя относительно жестокого обращения со стороны представителей федеральных сил. Следствие было возбуждено по статье 285 Уголовного Кодекса (злоупотребление должностными полномочиями).

56. 16 января 2002 года второй заявитель был допрошен и признан потерпевшим по уголовному делу. Согласно мнению Государства-ответчика, второй заявитель показал, что после того как он и первый заявитель были доставлены в РОВД 23 сентября 2001 года, они были переданы неустановленными лицами в г. Назрань, Ингушетия, и затем вывезены в г. Грозный. К ним применялось насилие по пути в г. Назрань и г. Грозный. Через несколько дней они были освобождены. Оpoznать лиц, избивавших их, они не могут.

57. В это же время были допрошены К.Д. и А.А., сотрудники Сунженского районного отдела внутренних дел.

58. 18 и 19 января 2002 года были допрошены А.М., М.Ц., С.Ц., В.Х. и И.М., сотрудники Сунженского районного отдела внутренних дел.

59. 1 февраля 2002 года была проведена очная ставка второго заявителя с офицером К.Д.

60. 11 февраля 2002 первый заявитель был допрошен и признан потерпевшим по уголовному делу. Он дал такие же показания, как и второй заявитель.

61. 15 февраля 2002 года была проведена очная ставка первого заявителя с офицером А.М.

62. 19 февраля 2002 года была проведена очная ставка второго заявителя с офицером А.А.

63. 21 февраля 2002 года г-н Д. был допрошен. Не ясно, кем он являлся и почему его показания считаются существенными.

64. 27 февраля 2002 года был допрошен старший офицер Самогорского Отделения Хакаского отдела внутренних дел.

65. 13 марта 2002 года следствие по уголовному делу было приостановлено так как не были установлены лица, причастные к преступлению.

66. Не смотря на приостановление расследования 3 апреля 2002 года следователь М. Замоскворецкой прокуратуры допросил свидетеля С.З., командира мобильного отряда Министерства внутренних дел Ингушетии.

67. 10 октября 2002 года постановление о приостановлении уголовного дела было отменено Сунженской районной прокуратурой.

68. 20 октября 2002 года г-н Т.Х. и г-н А.-С.Е. и 29 октября 2002 года г-н М.Е. были допрошены. Не ясно, кем они являются и почему их показания считаются существенными.

69. 10 ноября 2002 года следствие было приостановлено, так как не были установлены лица, причастные к преступлению.

70. 15 апреля 2003 года постановление о приостановлении уголовного дела было отменено Сунженской районной прокуратурой.

71. 17 апреля 2002 года г-н У.Х. был допрошен. Не ясно, кем он являлся и почему его показания считаются существенными.

72. 15 мая 2002 года следствие по делу было приостановлено из-за отсутствия *состава преступления*.

73. В июле 2003 года материалы, касающиеся содержания заявителей на военной базе в Ханкале, были выделены в отдельное дело № 22600008 и переданы в военную прокуратуру ОГВ(с) на Северном Кавказе. В результате проверки доводы заявителей не нашли подтверждения. 8 августа 2003 года прокуратура ОГВ (с) отказалась возбуждать уголовное дело, ссылаясь на отсутствие *состава преступления*. Согласно заявителям, они не были уведомлены об этом постановлении.

74. 7 июня 2005 года постановление о приостановлении уголовного дела от 15 мая 2002 года было отменено Сунженской районной прокуратурой.

75. 6 июля 2005 года заявители прошли медицинскую экспертизу. Согласно данным судебно-медицинских исследований, у второго заявителя было обнаружено телесное повреждение в поясничной области с ушибом почек, повлекшее вред здоровью средней тяжести. У первого заявителя были выявлены следы заживления телесных повреждений, но установить механизм их причинения и степень вреда здоровью не представилось возможным ввиду давности их причинения.

76. 17 июля 2005 года следствие было прекращено из-за отсутствия *состава преступления*. В соответствующих частях постановления говорится следующее:

Следователь Сунженского района Республики Ингушетия установил следующее:

23 сентября 2001 года сотрудниками ОУР Сунженского РОВД для проверки на причастность к нападению на военнослужащих федеральных войск были доставлены в отдел внутренних дел Сунженского района заявители. При доставлении в отдел милиции заявители оказали злостное неповиновение работникам милиции, и 24.09.2001 года по постановлению судьи Сунженского районного суда

В этот же день заместителем начальника ОВД администрации Сунженского р-на М. заявители были выданы начальнику уголовного розыска мобильного отряда МВД РФ по Ингушетии А.И., который передал их военнослужащим федеральных войск. Последние вывезли заявителей на вертолете в поселок Ханкала Чеченской Республики, где в течение 20 дней их подвергали пыткам, избивали, требуя признаться в участии в незаконных вооруженных формированиях.

4 января 2002 года по заявлению второго заявителя было возбуждено уголовное дело.

...

Допрошенный по делу сотрудник А.И. Показал, что 24 сентября 2001 года по указанию командира МО МВД РФ в Р.И. З.С. он перевез заявителей из Сунженского РОВД на территорию воинской части г.Назрань, где передал их военным, прибывшим из н.п Ханкала. При этом он получил расписку от подполковника И.А. о принятии заявителей. О том, что заявителей вывезут в Грозный руководство Сунженского РОВД он в известность не поставил. При транспортировке заявителей на территорию воинской части г.Назрань в отношении последних никакого физического насилия не применялось.

В ходе первоначальной проверки командир МО МВД РФ З.С. пояснил, что выполняя указание военной группировки из Ханкалы, он приказал начальнику уголовного розыска И.А. доставить из Сунженского РОВД к вертолету, прибывшему из Ханкалы, заявителей, что им и было сделано 24.09.2001. В ходе следствия давать показания в качестве свидетеля З.С. отказался, сославшись на статью 51 Конституции РФ (право не свидетельствовать против себя самого).

По факту отказа от дачи З.С. показаний принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела по основанию, предусмотренному законом (по истечению установленного срока уголовного процесса).

Из заключения эксперта №358 в отношении первого заявителя следует, что у последнего имеются повреждения двух видов: 1) рубцы заживления ожоговых ран; 2) рубцы заживления глубокой ссадины. Установить объективно тяжесть вреда здоровью не представляется возможным.

Из заключения эксперта №359 в отношении второго заявителя следует, что у последнего обнаружено телесное повреждение в виде тупой травмы поясничной области в ушибом почек, которое расценивается как средней тяжести вред здоровью.

Таким образом, из материалов дела видно, что заявители незаконно содержались под стражей и подвергались насилию на территории Чеченской Республики.

Решение судьи Сунженского районного суда о привлечении заявителей к административной ответственности принято в соответствии со статье о административном правонарушении и вступило в законную силу.

Материалы по факту незаконного содержания заявителей под стражей и применения к ним насилия сотрудниками военной группировки на территории н.п. Ханкала г.Грозный выделены в отдельное производство и направлены по территориальной подследственности прокурору Чеченской Республики для принятия решения.

...

На основании вышеизложенного постановили прекратить уголовное дело №2260008 по основанию отсутствия состава преступления в действиях сотрудников Сунженского РОВД.

77. 26 сентября 2005 года постановление о прекращении следствия было отменено исполняющим обязанности прокурора Ингушетии.

78. 29 октября 2005 года расследование было вновь приостановлено из-за отсутствия состава преступления.

79. 27 декабря 2007 года прокуратура Ингушетии возобновила расследование уголовного дела №22600008.

3. Результаты расследования

80. 15 марта 2008 года расследование было приостановлено. Заявители были уведомлены об этом письмом, в котором указывалась дата 12 марта 2008 года, но не было копии самого постановления. Расследование не смогло установить местонахождение заявителей в период с 24 сентября по 12 октября 2001 года, когда, со слов заявителей, они были освобождены. Согласно заключению, никакое уголовное преследование в отношении заявителей не велось властями Чеченской Республики. Они не подвергались аресту или административному задержанию на территории Чеченской Республики.

81. Согласно Правительству, в неопределенную дату прокуратура Ингушетии запросила в Министерстве внутренних дел Ингушетии предпринять меры для привлечения к ответственности виновных в незаконной передаче заявителей, которым был назначен административный арест. В результате, начальник криминальной милиции Сунженского РОВД и дежурный офицер Сунженского РОВД были привлечены к ответственности.

С. Запросы Судом материалов уголовного дела

82. Не смотря на специальные запросы Суда, Правительство не представило никакие документы уголовного дела №22600008, кроме восьми страниц, включающих постановления о признании потерпевшими, постановления от 17 июля 2005 года о прекращении дела и решения от 4 января 2002 года и 26 сентября 2005 года о возобновлении расследования. Они утверждают, что предоставление копий материалов Уголовного дела противоречит требованию статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации о недопустимости разглашения данных предварительного расследования, поскольку в материалах дела имеются сведения, содержащие военную тайну, которые позволяют установить дислокацию и характер действий воинских и специальных формирований. В то же время Правительство утверждает, что ознакомление делегации

Европейского Суда с уголовным делом, за исключением «документов, содержащих указанные сведения, будет организовано во время ее пребывания в Российской Федерации по месту производства предварительного расследования без предоставления права их копировать и передавать другим лицам».

Д. Уголовный процесс по возмещению ущерба

83. 15 декабря 2002 года второй заявитель подал иск о возмещении вреда, причиненного в результате незаконного задержания и жестокого обращения в Сунженский районный суд. Он запросил 3 000 000 рублей компенсации морального вреда.

84. 9 января 2003 года Сунженский районный суд отклонил иск по причине того, что заявителем не соблюден порядок предварительного внесудебного разрешения дела. В соответствующей части решения говорится:

Настоящее заявление не может быть принято к рассмотрению по следующим основаниям:

Из сообщения прокуратуры Сунженского района РИ ... усматривается, что материал по факту незаконного содержания под стражей второго заявителя и применения к нему физического насилия направлен для принятия решения по территориальности прокурору Чеченской Республики.

Для разрешения указанного материала рассмотреть данное дело невозможно, то есть не соблюден порядок предварительного внесудебного разрешения дела.

85. Решение можно было обжаловать и опротестовать в вышестоящем суде. Не ясно, обжаловал ли второй заявитель решение.

Е. Предполагаемое вмешательство в право подачи индивидуальной жалобы

86. Первый заявитель сделал следующие замечания относительно событий января-марта 2008 года, которые, в его точки зрения, связаны с его жалобой в Европейский Суд.

87. 22 января 2008 года домой к заявителю приехал человек в гражданской одежде чеченец по национальности и сказал поехать с ним на военную базу в Ханкале. Первый заявитель подчинился этому распоряжению. На военной базе в Ханкале его привели в комнату, где первого заявителя ожидал офицер, представившийся майором Д., заместителем начальника, старшим следователем военного следственного отдела войсковой части №68797. Майор Д. зачитывал выдержки из жалобы первого заявителя в Суд и спрашивал его о жестоком обращении в Ханкале в 2001 году. В ходе допроса он печатал что-то на компьютере. Затем распечатал документ и попросил заявителя прочитать. Первый заявитель сказал, что «плохо читает» и что забыл дома очки. Затем с согласия первого заявителя майор Д. зачитал документ, который был протокол допроса заявителя, и попросил подписать его. Первый заявитель подписал документ и попросил представить ему копию, которую он предоставил Суду.

88. Когда первый заявитель вернулся домой, его жена прочитала документ. Протокол содержал в частности следующие показания, предположительно сделанные первым заявителем в ходе допроса:

«Во время допросов в Ханкале меня не били. Однако второго заявителя избивали...»

«В предъявленном мне протоколе допроса в качестве свидетеля 11 февраля 2002 года по поводу того, что меня били в период нахождения я «яме» сделана неверная запись. Я имел в виду, что меня и второго заявителя били сотрудники мобильного отряда Ингушской милиции, которые доставляли нас из Сунженского РОВД на вертолете.

К военнослужащим Министерства обороны и внутренних войск МВД РФ я лично претензий не имею. Я имею претензии к сотрудникам мобильного отряда МВД по Республике Ингушетия.

Также могу уточнить, что я подавал жалобу уполномоченному Представителю РФ при Европейском Суде именно на действия Ингушской милиции. На действия военнослужащих МО и ВВ МВД РФ я жалоб не подавал».

89. 24 января 2008 года первый заявитель подал письменное заявление руководителю 505 военного следственного отдела войсковой части №68797. Он написал, в частности, что в ходе допроса 22 января 2008 года он не давал подобные показания, и протокол допроса содержит ошибки в этой части, которые он обнаружил только дома после того, как жена прочитала этот документ. Он подчеркнул, что в ходе допроса он подтвердил факт избияния в Ханкале. Он указал на то, что в Ханкале его били не так сильно как второго заявителя и не настолько сильно, как сотрудники мобильного отряда МВД Ингушетии. Заявитель попросил считать недействительной эту запись допроса 22 января 2008 года.

90. 15 февраля 2008 года жена первого заявителя была допрошена майором Д. Она подтвердила свои показания о событиях задержания ее мужа в сентябре-октябре 2001 года. Никаких вопросов относительно жалобы первого заявителя в суд ей не задавали. Копия протокола допроса была представлена Суду.

91. 14 февраля 2008 года майор Д. Вновь допросил первого заявителя, которому помогал его адвокат, г-н А. Первый заявитель показал, что в целом подтверждает свои показания, как они записаны в протоколе допроса от 22 января 2008 года, за некоторыми исключениями. Он подтвердил, в частности, что в ходе допроса в Ханкале в 2001 году его били руками, ногами и палками. Его избивали три человека одновременно. В ходе допроса 22 января 2008 года он заявил, что его били не так сильно как второго заявителя в Ханкале и менее жестоко по сравнению с избияниями, перенесенными в Назрани. Кроме того, первый заявитель показал, что он никогда не утверждал, что не жаловался на действия военнослужащих. Претензии, изложенные в жалобе в адрес уполномоченного по правам человека, касаются всех лиц, которые незаконно содержали его под стражей и избивали. Он также показал, что не читал протокол допроса от 22 января 2008 года, так как у него не было очков. Он подписал документ после прочтения следователем и не может объяснить, почему его показания записаны неправильно. Заявитель подписал протокол допроса от 14 марта 2008 года и представил копию этого документа Суду.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

1. . Уголовно-процессуальный кодекс

92. До 1 июля 2002 года действовал Уголовно-процессуальный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (УПК РСФСР) 1960 года. С 1 июля 2002 года вместо старого УПК РСФСР стал действовать новый УПК Российской Федерации.

93. Статья 125 нового УПК устанавливает судебный порядок рассмотрения решений следователя и прокурора, которые могут быть обжалованы в районный суд, который имеет право провести проверку законности и оснований названных постановлений.

94. Статья 161 нового УПК РФ запрещает разглашение данных предварительного следствия. Согласно ч. 3 этой статьи, данные предварительного расследования могут быть преданы гласности лишь с разрешения прокурора, следователя, дознавателя и только в том объеме, в каком разглашение не связано с нарушением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и не противоречит интересам предварительного расследования. Разглашение данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства без их согласия не допускается.

2. Административное задержание и лишение свободы

95. Конституция Российской Федерации, принятая 12 декабря 1993 года, предполагает следующее:

Статья 22

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность.

2. Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов».

96. Кодекс об административных правонарушениях РСФСР, имевший силу до 1 июля 2002 года, предполагал следующее.

97. Статья 239 предусматривает, что в целях пресечения административных правонарушений, когда исчерпаны другие меры воздействия, установления личности, составления протокола об административном правонарушении при невозможности составления его на месте, если составление протокола является обязательным, обеспечения своевременного и правильного рассмотрения дел и исполнения постановлений по делам об административных правонарушениях, допускаются административное задержание лица, личный досмотр, досмотр вещей, транспортных средств и изъятие вещей и документов.

98. По Статье 240 об административном задержании составляется протокол, в котором указываются: дата и место его составления, должность, фамилия, имя и отчество лица, составившего протокол; сведения о личности задержанного; время и мотивы задержания. Протокол подписывается должностным лицом, его составившим, и задержанным. В случае отказа задержанного от подписания протокола в нем делается запись об этом. По просьбе лица, задержанного за совершение административного правонарушения, о месте его нахождения уведомляются его родственники, администрация по месту работы или учебы.

99. В Статье 241 перечислены органы (должностные лица), правомочные осуществлять административное задержание. В частности, органы внутренних дел (милиция) могут подвергнуть административному задержанию за неподчинение законному требованию сотрудника милиции.

100. Статья 242 предусматривает, что задержание лица, совершившего административное правонарушение, может длиться не более трех часов. В исключительных случаях, в связи с особой необходимостью

законодательными актами Российской Федерации могут быть установлены иные сроки административного задержания.

101. Согласно Статье 302 постановлением народного суда (народного судьи) срок исправительных работ может быть административным арестом на срок не более чем пятнадцать суток.

102. Статья 303 предусматривает, что постановление об административном аресте приводится в исполнение немедленно после его вынесения.

103. Статья 304 гласит, что лица, подвернутые административному аресту, содержатся под стражей в местах, определяемых органами внутренних дел. При исполнении постановления об административном аресте арестованные подвергаются личному досмотру.

104. Согласно Положению 3 *Правил внутреннего распорядка специальных приемников для содержания лиц, арестованных в административном порядке, утвержденные приказом МВД РФ от 6 июня 2000 г. N 605дсп*, «основанием для приема и содержания в специальном приемнике арестованных является постановление уполномоченного должностного лица об административном аресте, оформленное в установленном законодательством порядке и скрепленное соответствующей гербовой печатью».

105. Согласно Положению 13 данных Правил, Лица, доставленные в специальный приемник, регистрируются в журнале. На каждого арестованного, помещенного в специальный приемник, оформляются учетная карточка и личное дело, к которому приобщаются постановление об аресте, протокол личного досмотра и досмотра вещей, другие материалы, характеризующие личность арестованного и его поведение в специальном приемнике во время отбытия ареста. Личные дела хранятся в течение трех лет, после чего уничтожаются в установленном порядке.

ПРИМЕНЯЕМЫЕ НОРМЫ ПРАВА

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА

А. Доводы сторон

106. Правительство утверждало, что жалоба должна быть объявлена неприемлемой по причине не исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты, поскольку расследование по жалобам заявителей о предполагаемой жестокости и незаконном задержании еще не закончено. Кроме того, заявители не подавали жалобы на действия или недочеты в работе органов следствия, не обжаловали постановления о приостановлении расследования. Кроме того, заявители не подавали апелляционную жалобу на решение Сунженского районного суда от 24 сентября 2001 года в отношении их административного задержания; не подавали гражданский иск о возмещении вреда в результате их предположительно незаконного задержания, в соответствии со статьей 1100 ГК РФ.

107. Заявители не согласны с этим утверждением Правительства. Они считают, что расследование проводилось в течение семи лет без каких-либо

существенных результатов, и это, на их взгляд, является неэффективным средством в данном случае. Заявители далее утверждали, что гражданский иск

о возмещении вреда также не является эффективным средством, поскольку удовлетворение такого иска должно основываться на результатах уголовного расследования, которое, как оказывается, было бесполезным. Заявители утверждали, что Правительство не доказало, что средства правовой защиты, к которым они обратились, были эффективными, и что при помощи них можно было установить личности виновных и наказать их.

В. Оценка Суда

108. При рассмотрении данного дела, Суд не принимал решения по исчерпанию внутригосударственных средств правовой защиты на стадии принятия решения о приемлемости жалобы, поскольку этот вопрос имеет непосредственную связь с существом жалобы. Суд исследует аргументы сторон в свете положений Конвенции и своей прецедентной практики (см. *Estamirov and Others v. Russia*, no. 60272/00, § 73-74, 12 October 2006).

109. Суд отмечает, что следственные органы были поставлены в известность о предполагаемой жестокости по отношению к заявителям вскоре после их освобождения 12 октября 2001 года, и только потом было начато расследование. Заявители и Правительство оспаривают эффективность этого расследования. Далее Суд отмечает, что после того, как 24 сентября 2001 года Сунженский районный суд назначил заявителям административный арест, они были "переданы" сотрудникам мобильного отряда МВД и содержались под стражей до 12 октября 2001 года. Стороны оспаривают обстоятельства содержания заявителей под стражей. Суд полагает, что предварительное возражение Правительства поднимает вопросы, которые близко связаны с существом жалоб заявителей. Таким образом, Суд считает, что эти вопросы должны исследоваться далее в соответствии с субстанциальными положениями Конвенции (см. параграфы 121-122 и 150-151 ниже).

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

110. Заявители жаловались в соответствии со Статьей 3 Конвенции, что они были подвергнуты жестокому обращению и пыткам. Они сослались, в частности на эпизоды жестокости, которые имели место по отношению к ним в Ингушетии и в Ханкале; на условия содержания под стражей в Ханкале, и на угрозы расправы. Заявители также жаловались, руководствуясь Статьей 3 Конвенции, что власти не провели эффективное расследование по их заявлениям о предполагаемой жестокости. Статья 3 Конвенции предписывает следующее:

“Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию”.

А. Доводы сторон

111. Заявители повторили свои утверждения о том, что они были подвергнуты пыткам и жестокому обращению со стороны представителей

федеральных сил. Заявители считают, что их утверждения подтверждены фактами (которые признаны Правительством) того, что они были задержаны сотрудниками милиции, и позже были переданы сотрудникам спецслужб. Заявители утверждали, что внутреннее расследование по их заявлениям было явно неадекватным, поскольку по истечении нескольких лет оно не привело к каким-либо значительным результатам.

112. Правительство утверждало, что, поскольку обстоятельства, при которых заявители получили повреждения, не были установлены следствием, нет никаких оснований полагать, что они были подвергнуты жестокому и унижительному обращению в нарушение Статьи 3 Конвенции. Правительство считает, что расследование проводилось в соответствии с конвенционными требованиями.

В. Оценка Суда

1. Эффективность расследования

а. Общие принципы

113. Суд повторяет, что в ситуации, когда заявитель предъявляет спорные доводы о том, что он был подвергнут жестокому обращению в нарушение Статьи 3, важное условие, соединенное с общей обязанностью Государств-участников в соответствии со Статьей 1 Конвенции “обеспечить каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в ... Конвенции”, требует по умолчанию, чтобы было проведено официальное эффективное расследование. Обязательство провести расследование “не является обязательством предоставить результат, это обязательство применить необходимые средства”: не каждое расследование должно обязательно быть успешным или привести к выводам, которые совпадают с версией событий, предложенной заявителем; расследование, в принципе, должно привести к установлению фактов по делу и, если предположения оказываются верными, привести к установлению личности и наказанию виновных (см. *Paul and Audrey Edwards v. the United Kingdom*, no. 46477/99, § 71, ECHR 2002-II и *Mahmut Kaya v. Turkey*, no. 22535/93, § 124, ECHR 2000-III).

114. Таким образом, расследование по заявлению о жестоком обращении должно быть адекватным. Это означает, что власти обязаны в любом случае предпринимать надлежащие меры для установления обстоятельств произошедшего, и не полагаться на поспешные или необоснованные выводы для того, чтобы закрыть расследование или вынести какое-либо решение (см. *Assenov and Others v. Bulgaria*, 28 October 1998, § 103 et seq., *Reports* 1998-VIII.). Власти должны применить все соответствующие средства, находящиеся в их распоряжении, для того, чтобы получить доказательства по делу, включая, среди прочего, показания свидетелей, заключение судебной экспертизы, и т.д. (см., *mutatis mutandis*, *Salman v. Turkey* [GC], no. 21986/93, § 106, ECHR 2000-VII; *Tanrikulu v. Turkey* [GC], no. 23763/94, § 104 et seq., ECHR 1999-IV, and *Gül v. Turkey*, no. 22676/93, § 89, 14 декабрь 2000). Любой недостаток расследования, который приводит к невозможности установить причину повреждений или личности обвиняемых, может расцениваться как несоответствующий указанному стандарту. Кроме того, расследование должно быть добросовестным (см.

Labita v. Italy [GC], no. 26772/95, § 133 et seq., ECHR 2000-IV, and *Timurtaş v. Turkey*, no. 23531/94, § 89, ECHR 2000-VI).

(b) Заявление в настоящем деле

115. В первую очередь Суд отмечает, что значительное количество документов следствия не было предоставлено Правительством. Поэтому Суд должен оценить эффективность расследования на основании немногих документов, представленных сторонами, и информацией о его продвижении, представленной Правительством.

116. На основании описания фактов настоящего дела, Суд отмечает, что заявители поставили власти в известность о незаконном задержании и жестоком обращении, после своего освобождения, 12 октября 2001 года. Они представили детальное описание своего задержания, жестокого обращения; второй заявитель представил медицинское заключение с описанием полученных повреждений. Таким образом, доводы заявителей были явно "спорными". Представляется, что первоначально 23 ноября 2001 года, было отказано начать расследование. Однако, после жалобы, поданной вторым заявителем, расследование было начато 4 января 2002 года. Таким образом, Суд отмечает, что начало расследования было отсрочено на более чем два месяца; никакого объяснения этому не было предоставлено.

117. Суд отмечает, что 16 января 2002 года второго заявителя признали потерпевшим и допросили. Первого заявителя признали потерпевшим и допросили 11 февраля 2002 года. В январе – феврале 2002 года следствием были допрошены семь сотрудников Сунженского РОВД, была выполнена очная ставка заявителей с тремя из них. В феврале 2002 года следствием был также допрошен старший офицер Самогорского Отделения Хакаского ОВД, а в апреле 2002 года, г-н С.З., командира мобильного отряда МВД Ингушетии. Следствием были также допрошены другие свидетели, в отношении которых в Суд не предоставлено никакой информации; также не предоставлено объяснений того, какова была роль показаний последних в ходе этого расследования.

118. Далее, на основании предоставленной информации, Суд отмечает, что многие неотложные следственные действия были отсрочены, и были в конечном итоге выполнены только после коммуникации жалобы Правительству, или вообще не выполнены. Прежде всего, в отношении заявителей не проводились судебно-медицинские экспертизы до 6 июля 2005 года, то есть, спустя более чем три года после начала расследования. Самым неотложным мероприятием в случае заявления о жестоком обращении является медицинская экспертиза, необходимая для установления степени тяжести телесных повреждений, времени и обстоятельств того, как они были получены. Для последующего проведения расследования крайне важно, чтобы эта экспертиза была выполнена с надлежащей быстротой, так как любое промедление влияет на точность её выводов по причине заживления ран; это неблагоприятно отражается на доказательной базе в ходе расследования. В данном случае, невозможность провести судебно-медицинскую экспертизу более трех лет, о чем Суду не предоставлено никаких объяснений, сама по себе подтверждает неэффективность расследования.

119. Далее Суд отмечает, что следствием был допрошен г-н С.З., командир мобильного отряда МВД Ингушетии, сотрудникам которого были

переданы заявители 24 сентября 2001 года. Правительство не предоставило Суду протокол допроса г-на С.З.. Однако, из постановления Сунженской районной прокуратуры от 17 июля 2005 года следует, что он приказал г-ну А.И., начальнику следственного отдела мобильного отряда, поместить заявителей в вертолет, который прибыл из Ханкалы, что было также подтверждено г-ном А.И. Последний далее утверждал, что он передал заявителей сотрудникам спецслужб, которые прибыли из Ханкалы, и что подполковник А.Ив. отдал ему документ, подтверждающий передачу заявителей. Однако, следствие не установило местонахождение заявителей в последующий период, не говоря уже о специфических обстоятельствах их задержания. Хотя в постановлении первого заместителя прокурора Ингушетии от 26 сентября 2005 года указано, что необходимо допросить подполковника А.Ив., но Суду не предоставлена информация о том, допрашивался ли он или его подчиненные.

120. В свете обстоятельств настоящего дела, Суд полагает, что следствием не было выполнено установление подразделений ответственных правоохранительных органов, причастных к задержанию заявителей; невозможность установить это в рассматриваемый период времени и предъявить обвинения подозреваемым, подтверждает неспособность и нежелания властей провести надлежащее расследование. Суд отмечает, что после установления личности командира отделения, который передал заявителей на военную базу в Ханкале, военная прокуратура прекратила расследование по причине отсутствия состава преступления; это расследование, проводимое следственным органом прокуратуры Ингушетии, неоднократно приостанавливалось по тому же самому основанию. Вышестоящие следственные органы при прокуратуре отменяли такие постановления и возобновляли расследование. Однако представляется, что такие указания не выполнялись. Такой характер проведения расследования подтверждает отсутствие перспектив установления личности ответственных за совершение преступления.

121. В отношении предварительного возражения Правительства, которое было присоединено при рассмотрении этого дела по существу, поскольку оно имело отношение к факту того, что расследование ещё проводилось, Суд отмечает, что после того, как это возражение было принято к рассмотрению, расследование было прекращено. Соответственно, Суд не находит необходимым исследовать его.

122. Правительство также указывало на то, что заявители могли оспорить постановления следственных органов, в контексте исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты. Суд отмечает, что заявители просто уведомлялись о некоторых приостановлениях и возобновлениях расследования, но они не получали какую-либо существенную информацию о ходе расследования. Кроме того, как следует из доводов заявителей, они не были уведомлены о постановлении прокуратуры ОГВ от 8 августа 2003 года о возбуждении уголовного дела; Правительство не предоставило доказательств обратного. Не имея возможности ознакомиться с материалами дела и не получая надлежащим образом информацию о ходе расследования, заявители не могли эффективно оспорить в суде действия, недочеты в работе следственных органов. Кроме того, расследование возобновлялось прокуратурой несколько раз для выполнения дополнительных следственных действий. Однако все это не

привело к надлежащему расследованию по обращениям заявителей. Ввиду значительного периода времени, прошедшего с начала рассматриваемых событий, некоторые следственные действия, которые должны были выполняться значительно раньше, были проведены, будучи уже бесполезными. Поэтому, представляется очень сомнительным, что данное средство правовой защиты могло иметь какие-либо перспективы успеха. Поэтому Суд находит, что средство, на которое ссылается Правительство, было неэффективным в свете обстоятельств настоящего дела, и отклоняет в этой части его предварительное возражение.

123. В свете вышеизложенного Суд находит, что власти не смогли обеспечить эффективное уголовное расследование по обращениям заявителей о предполагаемом жестоком обращении. Соответственно, имело место нарушение Статьи 3 Конвенции.

2. Предполагаемое жестокое обращение

(а) Общие принципы

124. Суд повторяет, что утверждения о предполагаемом жестоком обращении должны подтверждаться соответствующими доказательствами. Для оценки таких утверждений Суд применяет стандарт доказательства “вне разумного сомнения”, что означает получение доказательства из сосуществования достаточно сильных, ясных и согласующихся выводов или подобных не опровергнутых предположений факта (см. *Labita v. Italy* [GC], no. 26772/95, § 121, ECHR 2000-IV). Статья 3, взятая вместе со Статьей 1 Конвенции, предполагает положительное обязательство Государства, при котором гарантируется, что граждане, находящиеся на его территории, не подвергаются ни пыткам, ни жестокому или унижительному обращению, наказанию (см. *A. v. the United Kingdom*, 23 September 1998, § 22, *Reports of Judgments and Decisions* 1998-VI). Если гражданин взят под стражу в нормальном состоянии здоровья, и после освобождения имеет телесные повреждения, на государство возлагается обязанность обеспечить правдоподобные объяснения того, при каких условиях были получены эти раны; в противном случае признается нарушение Статьи 3 Конвенции (см. *Tomasi v. France*, 27 August 1992, §§ 108-11, Series A no. 241-A, and *Ribitsch v. Austria*, 4 December 1995, § 34, Series A no. 336).

(b) Заявление в настоящем деле

125. Суд отмечает, что 24 сентября 2001 года, после того как Сунженский районный суд назначил заявителям административный арест, они были переданы сотрудникам мобильного отряда МВД. В тот же день, что подтверждено выводами органов следствия, они были переданы сотрудникам спецслужб, которые прибыли из военной базы города Ханкала. Заявители утверждают, что во время их транспортирования и нескольких дней содержания в Ханкале, сотрудники МВД и спецслужб плохо обращались с ними, вынуждая их дать признание в том, что они связаны с незаконными бандформированиями. В частности, их держали яме, к ним применяли следующие виды жестокого обращения: их били ботинками и прикладами автоматов по различным частям тела, включая подошвы ног; их жгли сигаретами и заставляли сидеть на ведре во время избиений. Второго заявителя заставляли часами стоять, упершись лбом в стену, руки крепко

связаны за спиной, ноги широко расставлены. Солдаты также угрожали заявителям казнью, приставляя дула автоматов к их головам. Заявители утверждают, что через пять дней они были переданы в 6-ое отделение РУБОП Старопромысловского района города Грозный, где они содержались до своего освобождения 12 октября 2001 года. Во время этого содержания под стражей заявителей несколько раз пинали и угрожали пытками, хотя в целом условия содержания были удовлетворительными. Национальное следствие не установило местонахождение заявителей между моментом их "передачи" спецслужбам 24 сентября 2001 года и моментом их освобождения 12 октября 2001 года.

126. Заявители утверждают, что в результате избиений они с трудом могли передвигаться, кожа на их ногах была содрана, их лица и тела опухли и покрылись гематомами.

127. После освобождения, второй заявитель был дважды госпитализирован в больницу, где у него были выявлены травмы поясницы, ушиб почек, хронический пиелонефрит и макрогематурия, черепно-мозговая травма, сотрясение головы и ушиб поясницы. Врач, в своем заключении, указывает на потерю зрения, боли в спине и голове, головокружение. Второй заявитель продолжал страдать от болей, потери зрения, судорог в конечностях и от других последствий жестокого обращения в течение многих месяцев после освобождения. В феврале 2003 года врачи посоветовали ему операцию на почках, которую он не мог себе позволить. В результате проведения судебно-медицинской экспертизы 6 июля 2005 года, у второго заявителя обнаружено телесное повреждение тупым предметом поясничной области с ушибом почек.

128. Первый заявитель утверждает, что после освобождения ему поставили диагноз пневмония, перелом трех ребер, ожоги от сигарет, частичное онемение левой руки и ушибы. Он не представил копии медицинских документов, но из доводов его жены следует, что он страдал от последствий избиений и не мог работать. Из заключения судебно-медицинской экспертизы от 6 июля 2005 года следует, что у него на теле имеются следы заживших ран.

129. Суд отмечает, что Правительство не оспаривало детали доводов заявителей о жестоком обращении, которое имело место во время их содержания под стражей; оно ссылалось на отсутствие результатов национального следствия при расследовании обстоятельств получения травм заявителями. Однако Суд отмечает, что после семи лет расследования национальное следствие не сделало ничего для проверки утверждений заявителей; не установило их местонахождение в рассматриваемый период времени, хотя было подтверждено, что 24 сентября 2001 года они были переданы сотрудникам спецслужб, прибывшим из Ханкалы. Кроме того, (см. параграфы 115-123 выше) Суд установил, что расследование было неэффективным, в нарушение Статьи 3 Конвенции.

130. Суд отмечает, что второй заявитель подтвердил свои доводы копиями медицинских заключений. Хотя первый заявитель и не предоставил копии соответствующих заключений, он представил свидетельские показания своей жены; также, следы заживших ран на его теле были отмечены при проведении судебно-медицинской экспертизы, через почти четыре года после рассматриваемых событий. Правительство не оспаривало то, что телесные повреждения были обнаружены после содержания

заявителей под стражей. Таким образом, Суд находит удовлетворительным, что заявители предоставили последовательное описание жестокого обращения в отношении себя, и это подтверждено соответствующими доказательствами. Ввиду отсутствия любого другого правдоподобного объяснения в отношении происхождения телесных повреждений, полученных заявителями в рассматриваемый период времени, Суд признает, что они подверглись жестокому обращению сотрудниками МВД и спецслужб (см. описание выше).

131. В отношении серьезности актов жестокости, Суд повторяет: для того, чтобы определить, может ли отдельная форма жестокости квалифицироваться как пытка, её необходимо дифференцировать в соответствии со Статьей 3, имеющей понятие пытки и жестокого или унижительного обращения. Представляется, что Конвенция, посредством такой дифференциации, должна иметь специальное правило для определения жестокого обращения, которое вызвало очень серьезное и жестокое страдание. Суд ранее установил, какое обращение может рассматриваться только как пытка (см. *Aksoy v. Turkey*, 18 December 1996, § 64, *Reports* 1996-VI; *Aydin v. Turkey*, 25 September 1997, §§ 83-84 and 86, *Reports* 1997-VI; *Selmouni v. France* [GC], no. 25803/94, § 105, ECHR 1999-V; *Dikme v. Turkey*, no. 20869/92, §§ 94-96, ECHR 2000-VIII; и, среди недавнего, *Bati and Others v. Turkey*, nos. 33097/96 and 57834/00, § 116, ECHR 2004-IV (выдержки)). Рассматриваемые события вызвали у заявителей чувство страха, мучения и непредсказуемости, сопоставимой с оскорблением и унижением, развалом их физического и морального равновесия. В любом случае, Суд повторяет, что в отношении людей, лишенных свободы, применение физической силы, которая не является необходимой на фоне их поведения, унижает человеческое достоинство и является, в принципе, нарушением права, гарантированного Статьей 3 Конвенции (см. *Selmouni*, процитированный выше, § 99).

132. Суд находит, что в свете обстоятельств данного дела заявители, бесспорно, страдали от продолжительной физической боли и беспокойства вследствие непредсказуемости дальнейшей судьбы и вследствие насилия, которое они претерпели во время содержания под стражей. То, что заявители страдали от физической боли, вследствие полученных телесных повреждений, подтверждено предоставленными копиями медицинских заключений и утверждениями заявителей о жестоком обращении к ним со стороны военнослужащих. В частности, они утверждали, что жестоко избивались и подвергались другим формам жестокого обращения, в результате чего появились раны и другие серьезные проблемы со здоровьем, и это не оспаривается Правительством. Последовательность событий хорошо демонстрирует то, что боль и страдание причинялись заявителям преднамеренно, особенно учитывая то, что их вынуждали дать признание в связи с незаконными бандформированиями, ведущими свою деятельность в Чечне.

133. В свете вышеуказанных обстоятельств, Суд заключает, что в целом, жестокое обращение имело свою цель, было достаточно суровым, и поэтому должно расцениваться как пытка в соответствии с положениями Статьи 3 Конвенции.

134. Соответственно, в данном случае имеет место нарушение Статьи 3 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

135. Заявители жаловались на то, что их арест и содержание под стражей были нарушением внутригосударственного законодательства и Статьи 5 §§ 1-4 Конвенции, и что они не имели реальной возможности на компенсацию за эти нарушения, как предусмотрено Статьей 5 § 5 Конвенции. Статья 5 Конвенции предписывает следующее:

“1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом: ...

- (a) законное содержание под стражей лица, осужденного компетентным судом;
- (b) законное задержание или заключение под стражу (арест) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом;
- (c) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;
- (d) заключение под стражу несовершеннолетнего лица на основании законного постановления для воспитательного надзора или его законное заключение под стражу, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом;
- (e) законное заключение под стражу лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также законное заключение под стражу душевнобольных, алкоголиков, наркоманов или бродяг;
- (f) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого предпринимаются меры по его высылке или выдаче.

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом (c) пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию”.

A. Доводы сторон

136. Заявители утверждали, что после передачи сотрудниками милиции в РОВД 23 сентября 2001 года, они содержались под стражей без законного на то основания до 12 октября 2001 года. Постановление об административном содержании под стражей в течение трех дней не могло служить основанием и, кроме того, утверждения о том, что заявители якобы оказывали при задержании сопротивление сотрудникам милиции, были сфабрикованы для оправдания их незаконного содержания под стражей. Заявители утверждали,

что их содержание под стражей не было должным образом признано властями, поскольку Правительство не предоставило копии соответствующих документов. Соответственно, это является нарушением всех подразделов § 1 Статьи 5, и поэтому, ни одна из гарантий, закрепленных в Статье 5, не была предоставлена.

137. Правительство утверждало, что административное содержание под стражей было назначено Сунженским районным судом 24 сентября 2001 года, о чем заявители были немедленно уведомлены. В своих возражениях, представленных до вынесения Судом решения о приемлемости от 15 ноября 2007 года, Правительство заявило, что национальное следствие не установило, что заявители содержались под стражей в период между 24 сентября и 12 октября 2001 года, и поэтому нет никаких доказательств того, что заявители были лишены свободы в нарушении Статьи 5 Соглашения. В своих возражениях, представленных после решения о приемлемости, Правительство заявило, что 24 сентября 2001 года заявители были переданы сотрудникам мобильного отряда МВД в нарушение соответствующего порядка. Однако Правительство считает, что увольнение начальника оперативного отдела Сунженского РОВД и выговор его сотруднику, который отвечал за содержание заявителей под стражей в рассматриваемый период времени, подтверждает наличие нарушений и предоставляет заявителям право на компенсацию.

В. Оценка Суда

138. Суд повторяет, что выражения "законный" и "в соответствии с порядком, предписанным законом" в Статье 5 § 1 Конвенции конечно же отсылают к внутригосударственному праву и устанавливают обязанность соответствовать применимым субстанциальным и процессуальным правилам. Однако, "законность" содержания под стражей в соответствии с национальным правом - не всегда решающий элемент. В частности, Суд должен быть убежден, что содержание под стражей в рассматриваемый период времени, отвечало требованиям Статьи 5 § 1 Конвенции, которая запрещает произвольное лишение свободы (см. *Fursenko v. Russia*, no. 26386/02, § 73, 24 April 2008). Суд также заявил, что неустановленное содержание под стражей есть полное игнорирование гарантий отсутствия произвольного лишения свободы; это составляет очень серьезное нарушение Статьи 5 (см. *Zizek v. Turkey*, no. 25704/94, § 164, 27 February 2001, and *Luluyev and Others v. Russia*, no. 69480/01, § 122, ECHR 2006-... (выдержки)).

139. Суд отмечает в начале, что сторонами не оспаривается задержание заявителей 23 сентября 2001 года, и последующее содержание под стражей является лишением свободы в соответствии с требованиями § 1 Статьи 5 Конвенции.

140. Правительство заявило, что 23 сентября 2001 года заявители были доставлены в Сунженское РОВД "для дальнейших допросов". Оно также заявило, что поскольку заявители сопротивлялись сотрудникам правоохранительных органов, 24 сентября 2001 года Сунженский районный суд назначил им административное заключение под стражу. Однако Правительство не предоставило законного основания для такого содержания под стражей с 23 до 24 сентября 2001 года.

141. Поскольку содержание заявителей под стражей в рассматриваемый период времени, возможно, попадает в категорию “административного задержания” в соответствии со статьей 239 Административного Кодекса РСФСР, Суд отмечает, что в соответствии со статьей 240 этого Кодекса должен быть составлен протокол, содержащий подробную информацию об обстоятельства такого задержания. Суду такой документ не был предоставлен. Также Суду не были предоставлены иные документы, содержащие информацию о задержании заявителей в рассматриваемый период времени, включая учетные документы из мест содержания под стражей.

142. Далее Суд отмечает, что стороны не оспаривают тот факт, что 24 сентября 2001 года Сунженский районный суд назначил административное заключение заявителей под стражу на три дня, поскольку те отказались выполнить требования сотрудников правоохранительных органов. Хотя копия этого постановления не была предоставлена Суду, из доводов сторон следует, что этот документ имел место.

143. Далее Суд отмечает, что сторонами не оспаривается тот факт, что в тот же день заявители были первоначально переданы сотрудникам мобильного отряда МВД, которые затем передали их военнослужащим с военной базы в Ханкале. Заявители утверждали, что они содержались в течение пяти дней на военной базе в Ханкале. После этого они были переданы 6-му отделу РУБОП Старопромысловского района города Грозный, в котором они содержались в течение нескольких дней до освобождения 12 октября 2001 года. Правительство утверждало, что национальное следствие не установило обстоятельств содержания заявителей под стражей в период времени между 24 сентября и 12 октября 2001 года.

144. Учитывая существование постановления Сунженского районного суда от 24 сентября 2001 года о назначении заявителям административного заключения под стражу на три дня, Суд должен в начале рассмотреть, имелось ли законное основание для их задержания с 24 до 27 сентября 2001 года.

145. Суд повторяет: для того, чтобы лишение свободы соответствовало требованиям § 1 Статьи 5 Конвенции, оно должно быть выполнено “в соответствии с порядком, предписанным законом”. Суд отмечает, что в соответствии с Положением от 6 июня 2000 года граждане, которым назначено административное заключение под стражу, должны размещаться в специальных приемниках для административного задержания; это задержание должно быть зарегистрировано в специальном журнале (см. параграф 105 выше). Однако Суду не была предоставлена копия регистрационного документа о содержании заявителей под стражей. С другой стороны, из доводов обеих сторон следует, что после того, как Сунженский районный суд назначил заявителям административное заключение, они были переданы сотрудникам мобильного отряда МВД и затем военнослужащим с военной базы в Ханкале. Правительство явно признало, что такие действия представителей власти нарушили порядок, предписанный законом. Кроме того, оно заявило, что заявители были переданы “для допроса в отношении их возможного участия в незаконных бандформированиях”. Таким образом, из этого следует, что с 24 сентября

2001 года, заявители были задержаны для допросов, а не в связи с назначенным административным задержанием.

146. Соответственно, Суд находит, что задержание заявителей с 24 по 27 сентября 2001 года было выполнено не в соответствии с постановлением Сунженского районного суда от 24 сентября 2001 года о назначении административного содержания под стражей.

147. Суд отмечает, что Правительство не представило какого-либо другого законного основания ни для задержания заявителей с 24 по 27 сентября 2001 года, ни для их последующего содержания под стражей с 27 сентября по 12 октября 2001 года. Национальное следствие не установило обстоятельства их содержания под стражей.

148. Таким образом, задержание заявителей не было признано, не было зарегистрировано в журнале места административных задержаний, поэтому официально проследить местонахождение заявителей в рассматриваемый период времени невозможно. В соответствии с практикой Суда, этот факт сам по себе нужно считать очень серьезным нарушением, так как это возможность для ответственных за лишение свободы скрыть свою причастность к этому преступлению, замести следы, избежать ответственности за дальнейшую судьбу задержанного. Кроме того, отсутствие копий учетных документов из мест содержания под стражей, с указанием таких данных как дата, время и место расположения камеры, имя задержанного, причины задержания и имя сотрудника, выполнившего действия по задержанию, должно расцениваться как несовместимое с самой целью Статьи 5 Конвенции (см. *Orhan v. Turkey*, no. 25656/94, § 371, 18 June 2002).

149. Следовательно, Суд находит, что с 23 сентября по 12 октября 2001 года заявители находились в неустановленном месте содержания под стражей без каких-либо гарантий, указанных в Статье 5 Конвенции.

1. Предварительное возражение Правительства

150. Учитывая предварительное возражение Правительства, которое было присоединено при рассмотрении данного дела по существу и в котором указано, что заявители не обжаловали постановление Сунженского районного суда от 24 сентября 2001 года о назначении административного задержания, Суд отмечает, что в параграфе 146 выше установлено, что содержание заявителей под стражей было не в соответствии с этим постановлением. Поэтому, Суд находит, что Правительство ссылается на предполагаемое обжалование, которое в сложившейся ситуации является неэффективным средством правовой защиты, и отклоняет это предварительное возражение.

151. Поскольку предварительное возражение Правительства имеет отношение к тому, что заявители не подали иск с требованием возмещения ущерба в результате их предположительно незаконного задержания в порядке статьи 1100 ГК РФ, Суд напоминает, что право не быть произвольно задержанным “предполагает соответствие порядку, предписанному законом” и это не то же самое, как право получить компенсацию за незаконное задержание. Параграф 1 Статьи 5 Конвенции гарантирует защиту от первого и параграф 5 Статьи 5 гарантирует предоставление последнего. Суд установил правило, согласно которому иск о возмещении убытков вследствие незаконного задержания, предполагает

изучение обстоятельств дела после имевших место событий, и поэтому в этом случае не рассматривается вопрос об освобождении, если, к примеру, задержание незаконное, как того требует § 4 Статьи 5 Конвенции (см. *Weeks v. the United Kingdom*, 2 Февраля 1987, § 61, Series A no. 114). Соответственно гражданский иск о возмещении ущерба не имеет никакого отношения к вопросу исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты в отношении жалоб заявителей в соответствии со Статьей 5 §§ 1-4 Конвенции (см., среди недавних, *Belchev v. Bulgaria* (dec.), no. 39270/98, 6 February 2003, с дальнейшими ссылками). Соответственно, Суд отклоняет это предварительное возражение Правительства.

2. Могут ли заявители все еще утверждать, что они "жертвы"

152. Суд отмечает, что исходя из доводов Правительства, после заявления, поданного прокуратурой Ингушетии в МВД Ингушетии, начальник оперативного отдела Сунженского РОВД был уволен, дежурный офицер Сунженского РОВД, который отвечал за приемник административного задержания в рассматриваемый период времени, получил выговор за то, что передал заявителей сотрудникам мобильного отряда МВД 24 сентября 2001 года в нарушение надлежащего порядка. Далее Суд отмечает, что этот аргумент Правительства подтверждает, что указанные события составляют признание нарушения и соответствующее наказание виновных.

153. Суд повторяет, что согласно прецедентному праву заявитель может потерять статус "жертвы" в случаях, когда "национальные власти признали нарушение Конвенции, или явно или по существу, и затем предоставили потерпевшей стороне возмещение" (см. *Dalban v. Romania* [GC], no. 28114/95, § 44, ECHR 1999-VI). Суд отмечает, во-первых, что Правительство не представило какие-либо документы для подтверждения того, что дисциплинарные взыскания, описанные выше, были фактически выполнены. Однако, даже если предположить, что они имели место, особенно в свете не установления национальным следствием обстоятельств задержания заявителей после 24 сентября 2001 года, Суд не находит, что дисциплинарные взыскания, наложенные на сотрудников РОВД вследствие незаконной передачи заявителей сотрудникам МВД 24 сентября 2001 года могут рассматриваться как соответствующее подтверждение нарушения их прав, гарантированных Статьей 5 Конвенции, в течение всего периода задержания с 23 сентября до 12 октября 2001 года. Кроме того, Правительство не предоставило информацию о том, как в принципе, с учетом указанных дисциплинарных мер, заявители могли получить какую-либо компенсацию в результате нарушения их прав. Соответственно, Суд полагает, что эти меры также не обеспечили адекватное возмещение, как того требует прецедентное право Суда, и заключает, что заявители вправе утверждать, что они "жертвы" в соответствии со Статьей 34 Конвенции.

3. Вывод

154. На основании вышеуказанного, Суд находит, что имело место нарушение Статьи 5 Конвенции при содержании заявителей под стражей с 23 сентября по 12 октября 2001 года.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

155. Заявители жаловались на то, что они были лишены эффективных средств защиты в отношении вышеупомянутых нарушений Статей 3 и 5, что противоречит Статье 13 Конвенции, которая предписывает:

“Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве”.

156. Претенденты поддержали свою жалобу о том, что у них не было эффективных внутригосударственных средств правовой защиты, поскольку их содержание под стражей не было официально признано, а расследование по их заявлениям о жестоком обращении было неадекватно.

157. Правительство утверждало, что у заявителей в распоряжении были эффективные внутригосударственные средства правовой защиты, как это предписано в Статье 13 Конвенции, и что российские власти не препятствовали им в надлежащем использовании этих средств. Они были признаны потерпевшими в уголовном деле, и получили мотивированные ответы на все свои заявления в рамках следственного производства. В то же время, заявители не подавали жалобы в отношении их предположительно незаконного задержания, иные подобные жалобы, в суд. Правительство ссылалось на многие решения судов Чеченской Республики, в результате которых жалобы на действия/бездействия следственных органов были удовлетворены.

158. Суд повторяет, что Статья 13 Конвенции гарантирует доступность на национальном уровне средств правовой защиты, которые могут претворить в жизнь конвенционные цели предоставления прав и свобод, в какой-либо форме подлежащие защите в соответствии с национальным законодательством. Учитывая фундаментальную важность права на защиту жизни, Статья 13 требует, в дополнение к выплате справедливой компенсации, там где это необходимо, провести полное и эффективное расследование по установлению личности, наказание ответственных за лишение жизни или причинение страданий вопреки Статье 3, включая оперативный доступ заявителей к материалам следствия, выполняющего идентификацию и наказание ответственных за преступление (см. *Anguelova v. Bulgaria*, no. 38361/97, §§ 161-162, ECHR 2002-IV, and *Süheyla Aydın v. Turkey*, no. 25660/94, § 208, 24 May 2005). Суд далее повторяет, что требования Статьи 13 более широки, чем обязательство Государства-участника Конвенции провести в соответствии со Статьей 2 эффективное расследование (см. *Khashiyev and Akayeva v. Russia*, nos. 57942/00 and 57945/00, § 183, 24 Февраля 2005).

159. В свете вышеуказанных выводов Суда в отношении Статьи 3, эта жалоба является "явно спорной" в соответствии с требованиями Статьи 13 (см. *Boyle and Rice v. the United Kingdom*, 27 April 1988, § 52, Series A no. 131). Заявители должны быть в состоянии воспользоваться эффективными и практическими средствами, которые могут привести к установлению личности и наказанию преступников, присуждение компенсации в соответствии со Статьей 13.

160. Из этого следует, что в случае, когда уголовное расследование по факту исчезновения неэффективно и эффективность любого другого,

возможно существующего средства, включая средства в порядке гражданского судопроизводства, предложенные Правительством, следовательно, подорвана, государство не выполнило свои обязательства в соответствии со Статьей 13 Конвенции.

161. Следовательно, имело место нарушение Статьи 13, взятой вместе со Статьей 3 Конвенции.

162. В отношении ссылки заявителей на Статью 5 Конвенции Суд повторяет, что согласно его установленному прецедентному праву, более определенные гарантии §§ 4 и 5 Статьи 5, будучи *lex specialis* по отношению к Статье 13, поглощают ее требования. В свете вышеописанных выводов по нарушению Статьи 5 Конвенции вследствие незаконного задержания, Суд полагает, что никакая отдельная проблема не подлежит рассмотрению в отношении Статьи 13, взятой вместе со Статьей 5 Конвенции при обстоятельствах данного дела.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В СООТВЕТСТВИИ СО СТАТЬЕЙ 34 КОНВЕНЦИИ

163. Первый заявитель утверждал, что его допрос 22 января 2008 года и, в частности, протокол допроса, выполненный майором Д., подтверждают вмешательство в его право на подачу жалобы в Суд в нарушение Статьи 34 Конвенции, которая предписывает:

“Суд может принимать жалобы от любого физического лица, ..., которые утверждают, что явились жертвами нарушения ... прав, признанных в настоящей Конвенции Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права”.

164. Первый заявитель утверждал, что майор Д. подделал протокол его допроса от 22 января 2008 года и ввел его в заблуждение, чтобы получить его подпись в протоколе. Учитывая, что эти события произошли прежде, чем Правительство предоставило свои возражения по приемлемости жалобы и при рассмотрении её по существу, первый заявитель утверждал, что эти действия имели своей целью вынудить его отозвать свою жалобу.

165. Правительство утверждало, что эти утверждения необоснованны. Оно указало, что сам заявитель не утверждал, что какое-либо давление оказывалось на него. Напротив, он был допрошен в отношении событий 2001 года, его внимательно выслушали, и эти показания были зафиксированы. Правительство расценивает доводы первого заявителя по "выявленной" фальсификации протокола как маловероятные.

166. Суд отмечает, что 22 января 2008 года первый заявитель был допрошен майором Д. в отношении его задержания в 2001 году. Затем майор Д. зачитал ему вслух этот протокол допроса. Первый заявитель подписал этот протокол и получил его копию. Из доводов первого заявителя следует, что только дома он обнаружил, что некоторые из показаний, данных в ходе допроса, были неправильно зафиксированы. В связи с этим, 24 января 2008 года он обратился к начальнику военного следственного отдела № 505 войсковой части № 68797. 15 марта 2008 года он был снова допрошен майором Д.. Первый заявитель объяснил, какие показания, данные им 22 января 2008 года, были неточно описаны. Его показания были вновь записаны, он подписал протокол допроса от 15 марта 2008 года, и получил его копию.

167. Суд отмечает, что только один абзац в протоколе допроса первого заявителя от 22 января 2008 года может иметь отношение к его жалобе, поданной в Суд, в котором указано:

“Также могу уточнить, что я подавал жалобу уполномоченному Представителю РФ при Европейском Суде именно на действия сотрудников мобильного отдела МВД Ингушетии. На действия военнослужащих МО и ВВ МВД РФ я жалоб не подавал”.

168. В ходе допроса 15 марта 2008 года первый заявитель внес в протокол поправки о том, что жалобы, изложенные в формуляре, имеют отношение к обоим заявителям, которые были незаконно задержаны и с которыми жестоко обращались.

169. Суд отмечает, во-первых, что в соответствующем абзаце протокола первый заявитель ссылаясь на свою жалобу уполномоченному Представителю РФ при Европейском Суде. Суд признает, что первый заявитель, возможно, подразумевал свою жалобу в Суд. Однако в этом абзаце не указано, что какое-либо давление оказывалось на него в связи с этим. Наоборот, представляется, что первый заявитель представил эти пояснения по своему собственному желанию. Кроме того, утверждения первого заявителя о том, что во время допроса 22 января 2008 года майор Д. зачитал вслух выдержки из его жалобы в Суд, не подтверждены каким-либо доказательством.

170. Из материалов, представленных Суду, следует, что 22 января 2008 года первый заявитель был допрошен относительно его задержания в 2001 году. После его заявления о том, что некоторые из его показаний были неточно описаны, он был заново допрошен 15 марта 2008 года. Во время допроса он откорректировал неточно записанные показания, как это отражено в протоколе допроса 15 марта 2008 года. Точность этого протокола не оспаривается первым заявителем.

171. На основании вышеуказанного, Суд отмечает, что с одной стороны, предоставленные материалы не доказывают то, что первый заявитель был допрошен в связи с его жалобой в Суд, не говоря уже о присутствии какого-либо давления на него. С другой стороны, поскольку протокол допроса первого заявителя от 22 января 2008 года содержал неточное описание показаний, они были исправлены на национальном уровне.

172. Соответственно, Суд не находит каких-либо нарушений обязательств государства-ответчика в соответствии со Статьей 34 Конвенции.

VI. ОБЯЗАТЕЛЬСТВА В СООТВЕТСТВИИ СО СТАТЬЕЙ 38 §1(a) КОНВЕНЦИИ

173. Заявители утверждали, что отказ Правительства предоставить копии документов, которые истребовал Суд, является нарушением обязательств в соответствии со Статьей 38 § 1 (a) Конвенции, которая предписывает:

“1. Если Суд объявляет жалобу приемлемой, он:

(a) продолжает рассмотрение дела с участием представителей заинтересованных сторон и, если это необходимо, осуществляет исследование обстоятельств дела, для эффективного проведения которого заинтересованные государства создают все необходимые условия;

...”

174. Заявители просят Суд признать, что отказ Правительства предоставить копии всех материалов уголовного дела на запросы Суда, несовместим с обязательствами государства в соответствии со Статьей 38 Конвенции.

175. Правительство повторило, что предоставление копий материала уголовного дела противоречит статье 161 УПК РФ.

176. Суд повторяет, что рассмотрение некоторых типов жалоб не всегда требует строгого применения принципа, когда заявитель, что-либо утверждающий, должен доказать это утверждение и что оно имеет важное значение для эффективного рассмотрения индивидуальной жалобы, гарантированной Статьей 34 Конвенции, которая указывает государству как обеспечить все необходимые условия для надлежащего и эффективного производства по таким жалобам.

177. Это обязательство требует, чтобы государства-участники обеспечили все необходимые условия для Суда, при проведении им установления фактов или выполнении общих обязанностей при рассмотрении жалоб. Важным моментом при рассмотрении жалоб, подобных этой, в которых частные заявители обвиняют сотрудников государственных органов в нарушении их конвенционных прав, является то, что в определенных случаях только государство-ответчик имеет исключительный доступ к информации, которая может подтвердить или опровергнуть доводы заявителей. Отказ со стороны Правительства в предоставлении такой информации, которая находится в его исключительном ведении без удовлетворительного объяснения, может не только служить основанием для вывода в отношении обоснованности утверждений заявителя, но может привести к выводу о том, что государство-ответчик не выполнило свое обязательство в соответствии со Статьей 38 § 1 (а) Конвенции. В случае, когда жалоба выявляет проблемы в отношении эффективности расследования, копии материалов уголовного дела необходимы для установления фактов; их отсутствие может нанести ущерб надлежащему исследованию жалобы, при рассмотрении её Судом на предмет приемлемости и по существу (см. *Tanrikulu v. Turkey* [GC], no. 23763/94, § 71, ECHR 1999-IV).

178. Суд отмечает, что несмотря на его запросы о предоставлении копий материалов уголовного дела по факту незаконного задержания заявителей и жестокого к ним отношения, Правительство предоставило только некоторые из них. Правительство ссылалось на Статью 161 УПК РФ. Суд отмечает, что при рассмотрении подобных дел, он уже нашел это объяснение недостаточным для оправдания такого отказа в предоставлении необходимой информации (см., среди прочего, *Imakayeva v. Russia*, no. 7615/02, § 123, ECHR 2006-... (выдержки)).

179. Учитывая важность сотрудничества государства-ответчика с Судом при производстве по жалобам, и также учитывая трудности в установлении фактов при рассмотрении подобных дел, Суд находит, что Правительство не выполнило свое обязательство в соответствии со Статьей 38 § 1 Конвенции вследствие отказа предоставить копии документов, имеющих отношение к задержанию заявителей и жестокому к ним отношению.

VII. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

180. Статья 41 Конвенции предписывает:

“Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне”.

A. Моральный ущерб

181. Заявители требовали по 50000 евро каждому в качестве компенсации за незаконное задержание и пытки.

182. Правительство нашло эту сумму преувеличенной.

183. Суд признал нарушение Статей 3 и 13 Конвенции в отношении жестокого обращения и пыток со стороны сотрудников государственных органов и невозможности провести надлежащее уголовное расследование в связи с этим. Суд также установил, что заявители были лишены свободы в нарушение Статьи 5 Конвенции. Суд признает, что заявителям нанесен моральный ущерб, который не может быть компенсирован простым признанием факта нарушений. Суд присуждает каждому по 35000 евро, плюс любой налог, подлежащий оплате с этой суммы.

B. Издержки и расходы

184. Заявителей представляли юристы организации «Правовая инициатива по России». Они подали перечень понесенных издержек и расходов, включая расследования и опросы в Ингушетии и в Москве, по ставке 50 евро в час и составление юридических документов для Суда и для органов государственной власти по ставке 50 евро в час для юристов организации «Правовая инициатива по России» и 150 евро в час для старших сотрудников организации. Они также требовали возмещения почтовых расходов в размере € 89,11 евро и расходов по переводу в размере 491,12 евро, что подтверждено соответствующими счетами, и административными расходами в размере 606,97 евро. Совокупное требование в части компенсации издержек и расходов, связанных с юридическим представлением заявителей, составило 9858,20 евро.

185. Правительство не оспаривало детали вычислений, представленных заявителями, но указало, что они имеют право на компенсацию издержек и расходов только при подтверждении, что они были фактически понесены и были необходимы (оно ссылалось на дело *Skorobogatova v. Russia*, no. 33914/02, § 61, 1 December 2005). Оно возразило против требования представителей в части компенсации расходов по оплате услуг юристов, чьи имена не указаны в доверенности.

186. Суд теперь должен установить, во-первых, были ли издержки и расходы, представленные представителями заявителей, фактически понесены, и, во-вторых, были ли они необходимы и адекватны (см. *Iatridis v. Greece* (справедливая компенсация) [GC], no. 31107/96, § 54, ECHR 2000-XI).

187. На основании деталей представленной информации, Суд находит, что эти ставки разумны и отражают расходы, фактически понесенные

представителями заявителей. Далее необходимо установить, были ли издержки и расходы, понесенные при юридическом представлении заявителей необходимы. Суд отмечает, что это дело было довольно сложным, потребовало определенного труда при исследовании и подготовке. Соответственно, Суд признает, что понесенные расходы были необходимы.

188. В отношении возражения Правительства, Суд отмечает, что заявители были представлены юристами организации «Правовая инициатива по России». Суд признает, что все юристы, указанные в требовании о компенсации состоят в штате этой организации. Соответственно, это возражение Правительства должно быть отклонено.

189. На основании детализации требований, представленных заявителями, Суд считает справедливым присудить им 9858,20 евро, за вычетом 850 евро, полученных в качестве юридической помощи в Совете Европы, плюс НДС, если он начисляется на данную сумму, подлежащие уплате на банковский счет представителей в Нидерландах, указанный заявителями.

С. Выплата процентов

190. Суд считает, что сумма процентов должна рассчитываться на основании предельной процентной ставки Европейского центрального банка, к которой следует прибавить три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Отклоняет* предварительное возражение Правительства;
2. *Признает*, что имело место нарушение Статьи 3 Конвенции в отношении отказа провести эффективное расследование по жалобам заявителей о предполагаемом жестоком обращении к ним;
3. *Признает*, что имело место нарушение Статьи 3 Конвенции в отношении жестокого обращения к заявителям со стороны сотрудников государственных органов;
4. *Признает*, что имело место нарушение Статьи 5 Конвенции;
5. *Признает*, что имело место нарушение Статьи 13 вместе со Статьей 3 Конвенции;
6. *Признает*, что нет оснований для отдельного рассмотрения нарушения Статьи 13 в части предполагаемого нарушения Статьи 5 Конвенции;
7. *Признает*, что не имело место нарушение обязательства в соответствии со Статьей 34 Конвенции, со стороны Государства в отношении первого заявителя;
8. *Признает*, что имело место нарушение обязательства в соответствии со Статьей 38 § 1 (а) Конвенции, поскольку Правительство отказалось предоставить документы, которые запрашивал Суд;
9. *Постановляет*
 - (а) что Государство-ответчик должно в трехмесячный срок, начиная с даты, в которую решение Суда станет окончательным в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции, произвести следующие выплаты:

- (i) 35000 евро (тридцать пять тысяч евро), подлежащие конвертации в российские рубли по курсу на день выплаты, каждому заявителю, в качестве компенсации морального вреда, плюс любой налог, который может подлежать уплате с этой суммы;
 - (ii) 9008,20 (девять тысяч восемь евро и двадцать центов) в счет оплаты расходов и издержек, подлежащих переводу на счет банка представителей в Нидерландах, плюс любой налог, который может подлежать уплате с этой суммы;
 - (b) что со дня истечения вышеуказанных трех месяцев до даты оплаты на означенные суммы будут начисляться простые проценты в размере предельной процентной ставки Европейского центрального банка на период неуплаты плюс три процентных пункта;
10. *Отклоняет* остальную часть жалобы заявителей по справедливой компенсации.

Совершено на английском языке с направлением письменного уведомления 5 Февраля 2009 года в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Серен Нильсен, Секретарь Секции
Кристос Розакис, Президент

ⁱ Изменено 4 мая 2009 года: изначально текст был «Ислам Исаевич Цечоев...»